

Августа 23 (5 сентября)

Мученик
Николай (Варжанский)

Мученик Николай родился 25 ноября 1881 в Овручском уезде Волынской губернии в семье чиновника Георгия Варжанского. Как и многие выходцы из западных губерний России, испытавшие на себе всю изощренность воздействия разного рода сект и инославия, Николай Юрьевич всем сердцем устремился к православию, понимая, что вне его нет спасения и что если делом своей жизни избирать служение народу, то оно должно быть связано с проповедью слова Христова. Поэтому он поступает в Духовную семинарию, а затем в Московскую Духовную академию, которую оканчивает в 1907 году со степенью кандидата богословия.

В 1907 году Николай женился на девице Зинаиде, дочери протоиерея Неофита Любимова, настоятеля Воскресенской церкви на Ваганьковском кладбище в Москве. Протоиерей Неофит Любимов был известным в Москве миссионером и проповедником и имел свое издательство, выпускавшее миссионерскую и апологетическую литературу. Общие устремления сблизили впоследствии Николая Юрьевича с его тестем протоиереем Неофитом, а их миссионерская, просветительская деятельность и исповеднический подвиг были увенчаны мученическим венцом¹.

В 1908 году Николай Юрьевич был назначен сначала на должность помощника противосектантского миссионера Московской епархии, а затем – московского епархиального миссионера. С 1911 года, не оставляя миссионерской деятельности, он служил в канцелярии Святейшего Синода; кроме того, он преподавал в Московской Духовной семинарии. В 1912 и в 1914 годах он был награжден орденами Станислава и Анны 3-й степени.

В начале XX столетия одним из самых часто встречающихся пороков стало пьянство, распространившееся особенно широко среди рабочих. Пьянство доводило людей до отчаяния и самоубийства, разрушало семью и основы государства, сокрушало веру и заглушало добрые семена, посеянные Господом в сердцах людей. Как мужественный воин Христов вступил Николай Юрьевич в борьбу с этим страшным пороком. Им было организовано за Семеновской заставой в Лефортове, населенном в основном рабочими, Варнавинское общество трезвости, которое имело свое помещение и свой храм. В качестве лекторов Николай Юрьевич приглашал известных профессоров, и лекции собирали до тысячи человек. Вскоре ревностный и самоотверженный борец за души людей – Николай Юрьевич стал хорошо известен в среде рабочих. Но чем больше освободившиеся от пьянства рабочие привязывались к мужественному миссионеру, тем сильнее ненавидели его те, кто был заинтересован в распространении этого порока в народной среде.

За десять лет неутомимых миссионерских трудов Николаем Юрьевичем было написано и издано около сорока книг и брошюр на темы, касающиеся борьбы с сектами, как старыми, так и новыми, подобными толстовцам. Николай

---

¹ Протоиерей Неофит Любимов был расстрелян в Москве в 1918 году.

Варжанский, приводя примеры из сочинений Льва Толстого, убедительно показал, что Лев Толстой, по существу, пантеист, отрицающий Бога Творца.

Николай Юрьевич Варжанский

Одним из выдающихся явлений просветительской деятельности того времени было издание написанной Николаем Юрьевичем книги «Доброе исповедание. Православный противосектантский катехизис», вышедшей в 1910 году.

В предисловии к книге Николай Юрьевич писал: «Несколько народных противосектантских курсов, проведенных мною, показали крайнюю необходимость особого катехизаторского общедоступного учебника, который раскрывал бы по возможности полное христианское мировоззрение, указывал бы, что спасительная христианская вера Божия – только одна, а ереси суть антихристовы погибельные измышления, а не христианство, давал бы удобное оружие для отражения сектантской лжи и отличался бы ясностью изложения.

У нас есть много противосектантских книг, разбирающих отдельные положения нашего упования, отвергаемые сектантами; есть довольно бессистемные сборники текстов; есть катехизисы, или безразличные к православию, или хотя и хорошие, но очень краткие; есть, наконец, ученые сочинения, мало пригодные для народа. Народного же, православного, дающего христианское мировоззрение, катехизаторского учебника я не нашел, но зато твердо верю, что Господь чрез сорадующихся Истине людей поможет его иметь, если не в настоящем издании, то впоследствии».

Книга быстро разошлась, и в 1912 году вышло второе издание, которое автор посвятил «искренно любимым православным московским рабочим» и в предисловии к ней написал: «Многочисленные добрые отзывы о моей книге и теплое отношение к моему труду сотен церковных деятелей вызывают мою искреннюю признательность им за их снисходительное внимание. Первые 5000 экз. “Доброго исповедания” давно уже разошлись, не давши изданию пробить у меня 10 месяцев. И так как спрос на книгу продолжается, то я приступаю ко 2-му

изданию. В предисловии к 1-му изданию я усердно просил указать мне недостатки книги, на случай нового издания. Частные письма не указывали мне недостатков, а лишь одобряли и поддерживали книгу в данном ее содержании. Из печатных отзывов только один, принадлежащий анонимному автору в газете “Русское Знамя”, называл мою книгу “Злым исповеданием”, советовал рвать книгу, и главным образом за то, что в ней признана за священнодействием монашеского пострижения благодать Божия.

Действительно, в моей книге сказано, что “монашеством мы называем христианский подвиг безбрачной жизни, с целью соблюдения целомудренного воздержания и более удобного, чем в супружестве, прохождения земной жизни, совершенствования и достижения спасения” и что “Церковь благословляет этот подвиг особым священнодействием и испрашивает принимающему монашество благодать Божию, помогающую ему успешно проходить этот подвиг христианского совершенствования”. Казалось бы, что здесь неправильно? Если женящийся нуждается в благодати Божией и получает ее в таинстве брака, то неужели не нуждается в помощи Божией ищущий целомудрия и неужели не получает ее в священнодействии “ангельского чина”?! Я не могу признать ни одного христианского священнодействия безблагодатным, иначе получится, что у нас учреждены какие-то “комедийные действия”, только изображающие что-то, но не благодатствующие, не приближающие человека к Богу и спасению. Зачем же такие безблагодатные “действия” и возможны ли они в Церкви? Таковых не может быть! Посему я, при выяснении христианского мировоззрения, определенно указал, что благодать Божия получается в Церкви между другими средствами и чрез священнодействия христианские, а затем перечислил и обосновал Откровением особенно те из православных священнодействий, которые хотя и отвергаются неистово сектантами, но и обличают сектантов, а именно: 7 таинств и священнодействия монашества, водоосвящения, погребения, крестного знамения. Во всех сих священных действиях испрашивается благодать Господня и дается людям. Изложенные основания побудили меня не выбрасывать ни одной строки из соответствующих сим предметам глав, но оставить их в прежнего издания мотивировке».

Николай Юрьевич получил множество отзывов на свою книгу. Диакон Антоний Романенко писал: «Ознакомившись с Вашими руководствами, я пришел к заключению, что это превосходит все написанное доньше... Опыты по Вашим руководствам в школе, в которой я состою законоучителем, дали прекрасные результаты и, можно сказать, превзошли все мои ожидания».

Выдающийся миссионер и исповедник православия – епископ Прилукский Сильвестр (Ольшевский) писал Николаю Юрьевичу: «Сердечно благодарю Вас за присланные мне Вами Ваши прекрасные миссионерские книжки. Вашими трудами мы понемногу пользуемся, так как они очень по сердцу пришлись моим сотрудникам по миссионерскому делу. Укрепи Вас Господь продолжать свое святое дело!»

Николай Юрьевич был одним из активных участников миссионерских съездов, включая 5-й съезд, проходивший летом 1917 года в Бизюковском монастыре в Херсонской губернии. После Февральской революции и прихода к власти безбожного правительства просветительскую деятельность Николаю Юрьевичу становилось вести все труднее.

24 апреля 1917 года в помещении Варнавинского общества трезвости за Семеновской заставой проходили лекций известных миссионеров и профессоров.

Председателем чтений был Николай Юрьевич, в президиуме сидели известные профессора и священники. В зале присутствовало около тысячи слушателей – мужчин и женщин, в основном рабочих. Перед началом лекций Николай Юрьевич предложил помолиться Богу, затем, обратившись к собравшимся, сказал: «Братья и сестры, сейчас будет лекция профессора Кузнецова по вопросу объединения Церкви».

Лектор, коснувшись истории Русской Православной Церкви, призвал православных объединяться вокруг Церкви. Он говорил об объединении и новом общественном строе, заметив, что он вряд ли народу принесет много хорошего. После доклада начались прения и было много выступавших, некоторые из которых весьма откровенно высказывали свои мнения о происходящих событиях. Иногда из зала раздавались громкие протесты, но всякий раз Николай Юрьевич вставал и весьма миролюбиво старался успокоить аудиторию.

Председатель местного Совета рабочих и солдатских депутатов Степанов, присутствовавший в зале, решил, что на чтениях проводится агитация за возвращение старого строя, и послал за нарядом милиции. Во время речи четвертого оратора в зал ворвался вооруженный наряд милиционеров; наставив револьверы на членов президиума, они закричали: «Ни с места, вы арестованы!» Степанов вскочил на стол и зачитал бумагу, что помещения Варнавинского общества трезвости реквизированы для культурно-просветительских целей. В это время раздались крики: «Уходите! Будут стрелять!» В зале началась паника. Часть людей, давя друг друга, бросилась на лестницу, но большинство перешло в соседний домовый храм и, опустившись на колени, стало молиться. Стража, окружившая арестованных миссионера Варжанского и профессора Кузнецова, заявила им, что они против лекции по существу ничего не имеют, но она отвлекает народ от его главного дела – от революции. «Вы зовете народ в беспартийные церковные организации, – сказал один из них, – а народу нужно заниматься политикой. Когда Россия будет устроена, тогда и можете это делать».

При объяснении со стражей Варжанский и Кузнецов заметили, что прежний государственный строй препятствовал свободе слова и Церкви, но, как это неудивительно, это повторяется и теперь. «Мы никакого насилия не совершаем», – возразили стражники, только что разогнавшие слушателей и державшие арестованных под дулами револьверов. Вскоре все арестованные были освобождены.

Во время Поместного Собора 1917 года Николай Юрьевич исполнял обязанности делопроизводителя Отдела о внешней и внутренней миссии и о церковной дисциплине.

В октябре 1917 года большевики захватили Кремль. В эти дни они обстреляли Никольские ворота, повредив снарядами чудотворный образ святителя Николая. 1 мая, которое новая власть потребовала праздновать как интернациональный праздник, пришлось в 1918 году на Страстную среду. Власти повелели закрыть чудотворный образ святителя Николая на Никольских воротах красным полотнищем с надписью «Да здравствует первомайский интернациональный праздник!». Но случилось чудо – образ сам собой освободился от красного полотнища.

Николай Варжанский описал это в выпущенном им листке, который назывался «Сказание о чудотворном образе святого Угодника Божия святителя Николая над Никольскими воротами в Москве». Впоследствии власти публикацию об этом чуде поставили Николаю Юрьевичу в вину. В этом листке он

писал: «Всю ночь со Страстного вторника на Страстную среду Красная площадь охранялась и никто не мог сюда подойти. Утром в Страстную среду заметили, что повешенное целое красное полотнище прорвалось так, что чудотворный образ Угодника Божия Николая стал виден для всех и сделался, по замечанию многих, несравненно светлее, чем был доселе. Красное полотнище начало рваться частями, кусками, лентами и упало совсем. Сначала хотели объяснить, что полотнище разорвано ветром, а потом было напечатано, что будто полотнище повешено прорезанное, хотя тысячи народа видели, что оно было целое, не прорезанное. Как бы ни было, но Господь не попустил покрытия багряницею чудотворных образов. Разлетелось красное полотнище, которым прикрыта была чудотворная икона святого Угодника Николая.

Спас Чудотворец Николай некогда от татар, спасет и теперь, если только будем усердно молиться ему и будем стоять за святую Веру Православную и за святых наших даже до смерти».

31 мая 1918 года Николай Юрьевич зашел на квартиру протоиерея Иоанна Восторгова, где в это время шел обыск и где присутствовали некоторые другие гости отца Иоанна, и был здесь арестован и затем заключен в Бутырскую тюрьму. Ордер на его арест был выписан лишь на следующий день.

Обвинения Николаю Юрьевичу собирались из публикаций газет, выходивших после Февральской революции. В частности, в газете «Вечерние новости» от 14 июня 1917 года было опубликовано такое сообщение: «В одном из последних заседаний реквизиционной комиссии при исполнительном комитете московских общественных организаций обсуждался вопрос о реквизиции Варнавинского общества, где в начале революции был арестован во время доклада профессор Духовной академии Кузнецов. В заседание реквизиционной комиссии была допущена депутация от Варнавинского общества во главе с миссионером Варжанским, представившим свои соображения о недопустимости реквизиции.

Сторонники реквизиции указали, что Варнавинское общество является очагом контрреволюции – местом, откуда исходит открытая погромная пропаганда, почему и настаивают на закрытии общества. Один из членов комиссии предлагал прежде разрешения вопроса о реквизиции поручить комиссии по обеспечению нового строя проверить заявления о погромной деятельности общества. В результате голосования вопрос о реквизиции Варнавинского общества был решен отрицательно».

На основании этой публикации следователь ЧК вывел следующее обвинение Николаю Юрьевичу: «Реакционер чистой воды, ведет всегда погромную и черносотенную агитацию. Главным ему гнездом явилось Варнавинское общество трезвости».

7 июня следователь ЧК допросил Николая Юрьевича. Отвечая на его вопросы, исповедник сказал, что ему 37 лет, что он является московским епархиальным миссионером, сектоведом. После окончания академии все время занимался сектоведением и проповедованием православия. «Выступая с проповедью, – сказал Николай Юрьевич, – я никогда не касался политических вопросов, за исключением тех пунктов, которые соприкасаются с церковной жизнью. С Восторговым я познакомился еще будучи студентом, когда он был московским епархиальным миссионером, интересуясь религиозными вопросами. В каких политических партиях в это время состоял Восторгов, меня мало интересовало. Листовку “Сказание о чудотворном образе святого Угодника Божия

святителя Николая Чудотворца” редактировал я. Издавая листовку, я преследовал цели осведомительного характера и поддержания религиозных чувств в народе».

Почти сразу после ареста Николая Юрьевича в следственную комиссию стало обращаться множество людей и организаций с просьбой о его освобождении. В ЧК обратились ректор и члены Правления Московской Духовной семинарии, Союз церковноприходских общин, объединившихся при московской Преображенской, что в Преображенском, церкви, Совет объединенных приходов, Совет Варнавинского народного общества трезвости. К этим многочисленным просьбам об освобождении невиновного исповедника присоединился и Патриарх Тихон. Но всем просителям от лица членов следственной группы ЧК Розмировича и Цейтлина был один ответ – отклонить. 14 августа в Верховный Революционный Трибунал обратилась супруга арестованного, Зинаида Неофитовна, с просьбой предоставить ей личное свидание с мужем, но ей в этом было отказано.

20 июня следователь ЧК Косарев, ведший дело, предложил всех обвиняемых по делу, связанных с протоиереем Ионом Восторговым, включая Николая Варжанского, расстрелять.

23 июля 1918 года Коллегия следственного отдела ЧК постановила: дело Варжанского прекратить и сдать в архив. 8 сентября следственная комиссия обратилась во ВЦИК за разрешением ликвидировать дела внесудебным порядком, и дело из ведения Революционного трибунала вернулось в ЧК. 3 декабря 1918 года Президиум коллегии отдела по борьбе с контрреволюцией приговорил Николая Варжанского к расстрелу.

Почти сразу после ареста Николая Юрьевича, 6 июня 1918 года, ему была послана в тюрьму икона Божией Матери «Взыскание погибших» с надписью: «Усердно молимся за дорогих страстотерпцев». Узнав, что приговорен к расстрелу, Николай Юрьевич передал образ Божией Матери супруге, написав на другой его стороне: «Да сохранит тебя и заступит Своим Матерним Покровом Пречистая Заступница Мать Света. Молись, дорогая Зиночка, голубка моя, Богородице, Она покроет твоё вдовство раннее и сироток. Прости меня, дорогая моя, и за меня молись».

Николай Юрьевич Варжанский был расстрелян, а затем погребен на пустыре за оградой Калитниковского кладбища в Москве. На могиле родственниками был установлен металлический крест с надписью, но впоследствии крест был сломан, место захоронения утрачено.

Составитель игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Российских XIX века
Московской епархии. Июнь-Август»
Тверь, 2003 год, стр. 173-183.

Библиография

Николай Варжанский. Доброе исповедание. М., 1912.
ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н521. Т. 10.